

Нин Сяотянь, используя мудрость современного человека, во многом помог Сяо Лосюю. В день совершеннолетия Сяо Лосюя самый доверенный заместитель Цинь Бучжоу предал его и во главе огромного войска окружил поместье. Сяо Лосюй вышел из толпы, собственной рукой срубил голову Цинь Бучжоу и вывесил ее на городских воротах, превратив его мечты об узурпации трона в бледную, жалкую шутку.

Всю жизнь, пока Цинь Бучжоу был на вершине могущества, все его боялись, а когда он потерпел поражение, его постигла участь человека, от которого отвернулись все, стоило тому лишь пошатнуться.

Если бы можно было начать сначала, его желанием было бы больше не совершать тех же ошибок: либо безжалостно задушить этого молодого дракона, пока тот еще слаб, либо следовать семейному кодексу и, подобно предкам, стать преданным и честным подданным.

Однако момент, выбранный для появления Цинь Бучжоу, казался весьма скверным.

Когда он перенесся сюда, прежний хозяин тела в качестве наказания за дерзость, проявленную маленьким императором на недавнем заседании двора, истязал юношу, а маленькую императрицу по его приказу придворные евнухи удерживали силой, заставляя смотреть на это. И хотя это было первое и единственное столь радикальное наказание, именно оно оставило в памяти Сяо Лосюя самый глубокий след унижения и стало той самой искрой, что в конце концов побудила его решимости сжечь обидчика со свету.

То, как Сяо Лосюй под ним улыбался бледной улыбкой маленькой императрице — почему-то, когда Цинь Бучжоу вспоминал об этом, это казалось ему до боли режущим глаза.

Система, что происходит с этим вторым сюжетным заданием? Разве желание прежнего владельца тела не заключалось в том, чтобы прикончить главного героя или стать верным слугой? — нахмурившись, спросил Цинь Бучжоу. Любой, кто, переместившись в другое тело, обнаружил бы, что прямо сейчас насилует юношу, получил бы тяжелую психологическую травму. Тем более, если этот юноша — главный герой. Проступки прежнего владельца тела были настолько мерзкими, что даже Цинь Бучжоу не удержался и мысленно выругался: извращенец. А ведь его задание заключалось в том, чтобы умереть, но перед этим — обелить свою репутацию.

— В качестве наказания за то, что носитель косвенно стал причиной краха мира во втором круге перерождения. Носитель, пожалуйста, приложите усилия ^ _ ^

— Значит, я должен не только помешать законным супругам делить ложе, но и сделать так, чтобы главный герой начал считать меня белоснежным лотосом на недостижимой вершине? — Цинь Бучжоу криво усмехнулся.

Он ведь уже сделал с ним всё, что можно было и нельзя, — как, черт возьми, мне теперь отмыться?!

Цинь Бучжоу раздраженно взлохматил волосы, превращая аккуратную, напыженную прическу в полный беспорядок. Он просто сдернул венец, распахнул полы халата, обнажая крепкую грудь, и снова спросил:

— Эй, система... Если мир рухнет, человек сможет выжить?

— Носителю стоит уяснить: мир рушится только из-за смерти главных героев.

Ответ системы прозвучал холодно и бездушно:

— Учитывая удачу Се Хэна, он изначально мог спастись оттуда, но предпочел спасти тебя.

Цинь Бучжоу замолчал. Ради него погибало немало людей. На заданиях, на полях сражений — он шел к сегодняшнему дню, шагая едва ли не по крови сослуживцев. Но еще никто не заставлял его сердце биться так тревожно, как Се Хэн.

Впрочем, какое это имело значение? Цинь Бучжоу признавал, что испытывает к Се Хэну особые чувства, но он всего лишь прохожий, которому суждено разрушить связь главного героя и главной героини, они принадлежали к совершенно разным мирам.

Дверь кабинета бесшумно отворилась, и внутрь проскользнула девушка с живыми, выразительными глазами и красивыми чертами лица, облаченная в длинное цветистое платье цветанью с волочащимся по полу подолом.

Прежний хозяин тела отличался буйным нравом и сладострастием, держа в задних покоях множество наложниц. Хуа Сянжун была его любимицей; заметив, что после утреннего досмотра Цинь Бучжоу вернулся в комнату с мрачным лицом, она решила, что он рассердился из-за каких-то неприятностей при дворе, и теперь намеревалась его утешить.

Цинь Бучжоу погрузился в задумчивость и выпал из реальности, так что она беспрепятственно подошла совсем близко.

— Генерал... — Хуа Сянжун слегка вздрогнула и стыдливо, с кокетливой робостью прильнула к нему.

Тело, мягкое и благоуханное, словно нефрит, скользнуло в объятия, и готовая вырваться наружу грудь легко коснулась крепкой руки Цинь Бучжоу. Выражение лица девушки — одновременно застенчивое и манящее — выглядело невинным и соблазнительным, способным вернуть в жар любого мужчину. На месте Цинь Бучжоу прежний владелец тела уже давно, снедаемый похотью, схватил бы копье и бросился в бой.

Но Цинь Бучжоу отбросил стоявшей перед ним стол ударом ноги:

— Убирайся прочь!

Свитки и книги разлетелись по полу, тушечница отлетела на пять метров, оставив на полу глубокую черную полосу в холодном и бледном свете, отражавшемся от досок.

Хуа Сянжун привыкла к огромной милости генерала, и никто не ожидал, что он вдруг так свирепо разгневается. Стражники поспешно увели девушку, которая заливалась слезами, но не смела издать ни звука при Цинь Бучжоу.

Цинь Бучжоу велел позвать управляющего поместья Цинь. Откинувшись на спинку кресла, он холодно посмотрел на него, и от кровожадности в уголках его глаз и наброске бровей мороз пробирал до костей:

— Три дня. Я даю тебе три дня.

— Чтобы через три дня в поместье не осталось ни единого постороннего человека.

У управляющего поместья Цинь пот градом катился со лба, он рухнул на колени и принялся безостановочно кланяться, выкрикивая согласие.

Хотя Цинь Бучжоу от природы отличался жестокостью, но с тех пор, как он стал генералом-регентом, его острый меч несколько притупился. Он уже давным-давно не испытывал такого страха, от которого пробирало дрожью с макушки до пят. Властное давление мужчины было слишком подавляющим и, пожалуй, даже превосходило прежнее, из-за чего управляющему впору было впасть в полумрак предсмертных галлюцинаций.

Разогнав всех, Цинь Бучжоу медленно подошел к двери. Теплая комната и улица казались двумя разными мирами. Снег прекратился, крыши и земля покрылись толстым слоем сугробов, и солнце, отражаясь от них, слепило глаза ослепительной, белой пеленой. Он с удивлением посмотрел на сад генеральского поместья, покачал головой и повернулся, чтобы войти в дом.

После ужина Цинь Бучжоу немного прогулялся и вернулся в свою комнату.

Он полагал, что в первый день здесь будет чувствовать себя хоть немного неуютно. Но на самом деле, возможно, за сегодня произошло столько всего, что даже Цинь Бучжоу немного устал и вскоре погрузился в сон.

Видимо, он не так уж сильно привязан к прежней жизни.

Сонно размышляя об этом, Цинь Бучжоу с бормотанием перевернулся на другой бок, но почувствовал, что в объятиях пусто и как-то прохладно.

На следующий день, на рассвете, бледный свет заглянул в оконные решетки.

Цинь Бучжоу спал очень чутко: едва рассвело, он открыл глаза, сел и позволил служанкам умыться и привести себя в порядок.

Он не любил, когда к нему прикасаются посторонние, поэтому отказался от помощи служанок и сам переоделся в официальное платье. Хотя с непривычной одеждой древности возникли некоторые трудности, благодаря памяти прежнего владельца тела ему всё же удалось кое-как справиться. После этого пришел слуга, чтобы завязать ему волосы и надеть головной убор.

Когда гребень коснулся его прядей, Цинь Бучжоу резко поморщился и вскочил на ноги.

— Здесь ты мне больше не нужен, ступай, — бросил Цинь Бучжоу.

Маленькая служанка, сжавшись от страха перед неожиданным поступком генерала, задрожала, поспешно поклонилась, выражая благодарность, и отступила.

Цинь Бучжоу помассировал виски: в конце концов, он никак не мог позволить другим приближаться к себе, даже простое расчесывание волос вызывало у него сильное сопротивление и отвращение. Было уже время инь, и Цинь Бучжоу, наскоро отыскав черную шелковую ленту, небрежно собрал в хвост черные как смоль волосы, накинул тяжелую шубу из шкур и вышел за дверь.

Снова пошел снег, но слабый. Цинь Бучжоу пообедал, сел в экипаж и приподнял занавеску. Надвинувшаяся над Императорской столицей серовато-белая пелена небес роняла танцующие хлопья снега, похожие на пух.

Из-за этого погруженный в хаос и ослабевший династический оплот казался затерянной в небесах крошечной деревней, покинутой богами. Если бы не Сяо Лосюй, срок ее жизни, пожалуй, уже подошел бы к концу.

Дворцы были плотно закрыты, а за воротами царил полумрак. Хотя время еще не подошло, площадь уже была заполнена ожидавшими аудиенции чиновниками. Мерцающие цветные фонари источали тусклый свет, и когда облаченный в роскошные одежды стройный Цинь Бучжоу вышел из экипажа, толпа сановников, до этого тихо переговаривавшихся, мгновенно умолкла.

Генерал-регент Цинь Бучжоу — надменный, своенравный, держащий в своих руках всю полноту власти. Простолюдины по всей Поднебесной знали лишь регента, но ведать не ведали о юном Сыне Неба.

Чиновники полагали, что с характером Цинь Бучжоу, которого вчерашнем утреннем докладе юный император публично унизил, он наверняка объявит себя больным и несколько дней не появится при дворе — вплоть до того момента, пока сам император не явится к нему в поместье с повинной, и лишь тогда он соизволит выйти в свет. Подобное уже случалось прежде. Как-то раз он принудил монарха встать на колени и молить о пощаде, а на следующий день на утреннем докладе один из министров, рыдая, бросился на колонну во дворце и покончил с собой, выражая несогласие, так Цинь Бучжоу тут же вытащил меч и снес ему голову.

— Хм! Ученый подонок, стыдно стоять с ним в одном ряду! — внезапно холодно фыркнул какой-то старик и отступил на несколько шагов назад, остановившись лишь тогда, когда между ним и Цинь Бучжоу образовалось большое расстояние. Этот шаг увлек за собой целую группу маститых гражданских чиновников; все они смотрели с холодным презрением, резко контрастируя с теми, кто остался на прежнем месте — кто в тревоге и беспокойстве, а кто с льстивыми улыбками на лицах.

Великий ученый Сюэ Чжэнхуань, наряду с Цинь Бучжоу, был назначен покойным императором опекуном юного правителя и возглавлял фракцию чистых литераторов. Он издавна не выносил бесчинств и беззакония Цинь Бучжоу. Однажды в тронном зале он сошелся с ним в ожесточенном словесном поединке, и если бы юный император вовремя не вмешался, Цинь Бучжоу чуть не проткнул его насквозь.

Чиновники из партии Цинь Бучжоу некоторое время переглядывались. Когда Цинь Бучжоу приблизился, они, независимо от своего ранга, дружно сложили руки в приветственном жесте:

— Приветствуем генерала-регента!

Один из них выглядел особенно услужливым и даже выбежал вперед толпы — это был Чжу Шу, самый доверенный заместитель генерала.

Но не успел он и глазом моргнуть, как его улыбка застыла на лице. Цинь Бучжоу прошел мимо него, словно вовсе не замечая, и направился напрямик к Сюэ Чжэнхуаню.

Сюэ Чжэнхуань был суховатым маленьким старичком с козлиной бородкой; ростом он не вышел, зато обладал прескверным нравом. Увидев, что Цинь Бучжоу смотрит на него сверху вниз, он лишь задрал подбородок:

— Чего тебе? У генерала Цинь руки снова чешутся за меч схватиться?

Цинь Бучжоу поднял руку.

Все вокруг затаили дыхание, опасаясь, что Цинь Бучжоу впадет в ярость и начнет убивать.

На лице Сюэ Чжэнхуаня не было и следа страха.

— Ха-ха-ха-ха, до чего же ты нервный, — с улыбкой похлопал его по плечу Цинь Бучжоу, да так сильно, что Сюэ Чжэнхуань качнулся. — Ничего страшного, я просто выражаю солидарность! Посмотри на тех людей вокруг — лица прямо как у злых духов, до того жуткие, что смотреть тошно. А вот у тебя, старик Сюэ, обстановка куда лучше подходит для меня.

Сюэ Чжэнхуань: «...» Цинь Бучжоу вчера от злости рассудка лишился?

Гражданские и военные чиновники, отвергнутые главой их собственной фракции: «...» Генерал после возвращения домой совсем рехнулся?

Сюэ Чжэнхуань лишился дар речи от наглости Цинь Бучжоу и остался стоять на месте, сердито дую усы. А Цинь Бучжоу тем временем совершенно бесцеремонно затесался в толпу чиновников, чей средний возраст составлял лет пятьдесят-шестьдесят, и ничуть не чувствовал себя белой вороной. Как только наступил час мао, грянули барабаны, и хотя главные ворота по-прежнему оставались наглухо закрытыми, боковые — левые и правые — медленно отворились.

Левая сторона почиталась старшей, и ныне она служила эксклюзивным проходом для чиновников из фракции Цинь Бучжоу.

Несколько евнухов и слуг выбежали из распахнутых левых боковых ворот, долго шарили глазами по левой стороне, так никого и не обнаружив, и ошеломленно перевели взгляд на правую. Они в недоумении переглянулись.

Генерал... стиль твоего поведения сегодня как-то не очень вписывается?!

Бесстыдно пристроившись рядом со Сюэ Чжэнхуанем, Цинь Бучжоу норовил пройти вместе с ним через правые ворота. Одним взглядом он заставил вернуться назад собственных подчиненных, которые уже собирались подойти, а когда один из евнухов обошел его сзади, негромко произвел:

— Господин, есть доклад.

Лишь тогда Цинь Бучжоу отстал от Сюэ Чжэнхуаня. Великий ученый Сюэ яростно зыркнул на него, взмахнул рукавом и повел партию чиновников-пуристов к правым воротам.

Убедившись, что чиновники из правой группы скрылись из виду, Цинь Бучжоу поправил рукава, неторопливо приподнял веки и, шагая внутрь, бросил:

— Что случилось?

— После того как вы вчера ушли... — евнух последовал за ним.

Раньше Цинь Бучжоу часто ночевал во дворце, но вчера он удалился так внезапно, что евнух не мог угадать его замыслов. Докладывая о событиях прошлой ночи, он упомянул и о том, что у маленького императора и маленькой императрицы оба поднялась и не спадает высокая температура, и о том, что маленький император всю ночь напролет читал доклады — набралась целая куча мелких забот.

Высокая температура не спадает, а он все равно читает доклады? Жизнь не мила? Цинь Бучжоу нахмурился, и его лицо стало еще более мрачным и угрюмым.

Он знал, что в этот раз жар у Нин Тяньли едва не довел его до смертельной болезни, после чего тот чудесным образом пойдет на поправку, а когда снова очнется, в оболочке окажется уже совсем другая душа, но вот о состоянии Сяо Лосюя он ничего не ведал.

Впрочем, он действительно помнил, что вчера Сяо Лосюй пострадал весьма серьезно, просто сам он не осмеливался вглядываться слишком долго...

Цинь Бучжоу слушал вполуха, а его взгляд сам собой приковался к фигуре маленького императора в черном драконьем халате, сидевшего на драконьем троне.

Сяо Лосюю было шестнадцать лет, и хотя в его чертах все еще сквозила детская мягкость, в них уже проступали первые зачатки будущего прекрасного и величественного правителя. Восседаая на высоком драконьем троне перед императорским столом, уставленным меморандумами, его точеная фигура утопала в широких просторных одеждах цвета воронова крыла с золотой вышивкой в виде драконов по краям, а пара персиковых глаз смотрела холодно и глубоко. Окинув взглядом собравшихся внизу гражданских и военных чиновников, он держался столь невозмутимо, что в нем нельзя было заметить ни малейшего следа болезни.

Придворные склонили головы.

Лишь один человек стоял, заложив руки за спину, во главе всех сановников — не кланяясь и не опускаясь на колени, исполненный дерзкой неукротимости.

Взгляд Сяо Лосюя на мгновение задержался на Цинь Бучжоу, затем отвернулся, и он неторопливо произнес:

— Если у многоуважаемых подданных есть дела для доклада — говорите, если нет — аудиенция окончена.

На утреннем заседании продолжилось обсуждение вчерашней проблемы.

В Хучжоу свирепствовало наводнение, оставляя народ на грани выживания. Император выделил из государственной казны сто тысяч лянов серебра на помощь пострадавшим, но когда груз доставили в пределы Хучжоу, его смыло прорванным потоком вышедшей из берегов реки, а вместе с ним бесследно исчезли и назначенные ко двором чиновники, отправленные для оказания помощи — оставалось лишь гадать, живы ли они вообще.

Сто тысяч лянов серебра испарились без следа? И эта дамба прорвалась ни раньше ни позже, а аккуратно в момент прохождения чиновников? Каждый прекрасно понимал, что здесь не обошлось без темных делишек, вот только люди лишь гневались про себя, не смея пикнуть.

Однако на фоне политики умиротворения, проводимой генералом-регентом, обычно молчаливый маленький император на сей раз проявил неожиданную твердость, наговорив немало такого, что глубоко оскорбило Цинь Бучжоу, и вчера при завершении аудиенции лицо Цинь Бучжоу было черным словно дно котла.

Сегодня же в тронном зале по-прежнему висело густое марево предгрозовой бури, но сам Цинь Бучжоу не произнес больше ни слова.

Снова собирать средства для пострадавших, организовывать закупку припасов — предлагать подобные решения легко, да только разве это просто? Государственная казна давным-давно пуста, а вскоре, с наступлением оттепели, северные соседи снова будут тренировать войска на границах владений Да Юэ, и казенного жалования с припасами едва хватает насушно; прошлый раз те сто тысяч лянов удалось наскрести лишь выпотрошив личную сокровищницу императора.

Слушая перепалки то с левой, то с правой стороны, Цинь Бучжоу с бесстрастным лицом витал в облаках, уставившись на Сяо Лосюя.

А с речью меж тем выступал как раз Великий ученый Сюэ Чжэнхуань.

— ...Потому-то простолюдин, попав во дворец на службу, пребывая вдали от родных мест, терзается судьбами живых, не говоря уже о сотнях чиновников! — Сюэ Чжэнхуань неторопливо зачитал весь этот напыщенный текст и, сложив руки в поклоне, подвел итог: — По мнению этого старика, лучше всего на роль запевалы в этом деле подойдет генерал-регент!

Его слова звучали резко и агрессивно, а острое атаки было направлено прямо на клику Цинь Бучжоу: ученый полагал, что для обуздания водной стихии, помимо отправки способных управленцев, необходимо выкорчевывать саму эту коррупционную заразу взаимного покровительства чиновников. Вдобавок под конец он потребовал, чтобы сбор средств для помощи пострадавшим начался именно с сановников, заставив Цинь Бучжоу подать личный пример пожертвований.

Сяо Лосюй слегка приподнял брови:

— Есть ли у генерал-регента что возразить?

Цинь Бучжоу опомнился:

— А? — Он похлопал ресницами. — Старец Сюэ дело говорит, превосходно сказано.

Сяо Лосюй и Сюэ Чжэнхуань: «...»

Цинь Бучжоу неторопливо протянул:

— Так что, пожалуй, я пойду домой, проверю свои золотые запасы, дабы уделить немного времени состраданию к собственным деньгам. Мы можем уже разойтись? У меня ноги от стояния устали.

— Ты... позор для образованного человека! — Сюэ Чжэнхуань так разозлился на его

легкомысленный и небрежный тон, что едва не подпрыгнул на месте.

Цинь Бучжоу с улыбкой повернулся к нему:

— Я ведь изначально неотесанный вояка, который и двух иероглифов связать не может, прошу прощения, если позабавил вас.

По лицу Сюэ Чжэнхуаня было заметно, что он готов разорвать Цинь Бучжоу зубами.

— Кхм, аудиенция окончена, — произнес Сяо Лосюй.

Главный евнух зычно провозгласил:

— Аудиенция окончена ———

Вместе со всеми чиновниками Цинь Бучжоу вышел из дверей тронного зала и уже собирался направиться в кабинет государя, как дорогу ему преградил генерал-майор Чжу Шу. Глядя на Цинь Бучжоу, Чжу Шу одновременно источал разочарование и тревогу:

— Генерал, вы всерьез намерены возглавить сбор пожертвований? Но послушайте...

Цинь Бучжоу холодно бросил на него взгляд, острый, будто пропитанный ядом клинок:

— Чжу Шу... с каких это пор, интересно мне знать, тебе дозволено вмешиваться в мои решения?

Ты. Тоже. Смеешь?!

Хотя прежний хозяин этого тела казался проницательным, на деле умом он не блистал, не умея ничего, кроме как вести войска в бой; при изобилии амбиций ему отчаянно не хватало стратегического мышления, именно поэтому в свое время Сяо Лосюй и сделал на него ставку.

Годы сосредоточения власти в одних руках в сочетании с постоянными подстрекательствами подлых людишек привели к тому, что Цинь Бучжоу все сильнее погрязал в распутстве, растеряв народную любовь, из-за чего в конце концов и закончил столь плачевно, когда рухнули все его оплоты.

Именно Чжу Шу громче всех раздувал огонь за его спиной. Чжу Шу мастерски умел выискивать малейшие темные желания Цинь Бучжоу и раздувать их до масштабов необузданного пожара; в частности, всю эту аферу с серебром для пострадавших придумал именно он, попутно поднося вождю целую череду прелестных красавиц ради улады его взора.

Хоть Цинь Бучжоу и считал, что прежний владелец тела вполне заслужил подобный бесславный конец, это вовсе не значило, что он собирался терпеть рядом с собой человека с предательскими зачатками, способного лишь травить ему душу.

От этих трех слов Чжу Шу вмиг побелел лицом, слотно полотно.

Цинь Бучжоу скривил губы в усмешке и, протиснувшись мимо него, зашагал вглубь дворца.

Цинь Бучжоу нарочно нес всякую чушь, лишь бы заставить Сяо Лосюя побыстрее объявить об окончании совета: он видел, что этот парень уже на пределе и держится лишь из последних сил. Как только все придворные покинули тронный зал, Сяо Лосюй, казалось бы, уже давно ушедший, медленно разжал пальцы, которыми опирался о стену в глубине зала, сделал два

шага и осел на пол.

Добравшись до задних покоев, Цинь Бучжоу застал картину: Сяо Лосюй изо всех сил отталкивал руку главного евнуха, а тот с мягким уговором твердил:

— Ой-ой, Ваше Величество... Вам же нездоровится до конца, позвольте мне проводить вас обратно...

Заметив появление Цинь Бучжоу, главный евнух выказал на лице беспомощность и низко поклонился:

— Приветствую генерал-регента. Что прикажете делать с ним?

Цинь Бучжоу бросил взгляд на главного евнуха:

— Ступай.

У главного евнуха и в мыслях не было ослушаться. Сделав пару шагов назад, он с заметной тревогой произвел:

— Прошлой ночью у Вашего Величества не спадал жар. Если он ненароком заденет генерала, осмелюсь просить снисхождения к нему.

— Разумеется.

Когда евнух удалился, Цинь Бучжоу медленно присел на корточки. Лицо Сяо Лосюя отливало нездоровым багрянцем, он с трудом сдерживал дыхание, прислонившись спиной к стене. Пряди волос у лба закрывали глаза, а тонкие губы были искусаны до крови.

— Еще жив?

Сяо Лосюй сжал губы. Его сознание уже заволакивала мутная пелена, сквозь которую он с трудом разглядывал странные чайно-золотые глаза стоявшего перед ним человека. И хотя тот должен был вызывать у него лишь жгучую ненависть, в душе внезапно шевельнулся забытый порыв слез, и ему отчаянно хотелось протянуть руки, умоляя обнять себя.

Цинь Бучжоу вздохнул, протянул руку, обхватил плечи Сяо Лосюя и попытался поднять юношу на ноги.

Кожа под его пальцами вдруг оказалась куда горячее лба, словно под ней закипала кровь, с неудержимой разрушительной силой подступая к последним бастионам разума.

— Нет... — Сяо Лосюй резко встрепенулся, выдергивая руку из ладони Цинь Бучжоу. Поплывший взгляд вновь сфокусировался, и он хмуро пробормотал: — Генерал Цинь, я нездоров, давайте вернемся к делам в другой раз.

Какая тебе мать твою учеба!

Только и знаешь, что дела да учеба! Я же сказал, что помогу тебе с деньгами! Сам горишь в лихорадке на грани смерти, а в голове все о государевых заботах!

Слушая его, Цинь Бучжоу едва не рассмеялся от злости: широко распахнув руку, он подхватил Сяо Лосюя под пояс и под коленки, разом поднимая его на руки.

Проведя немало времени рядом с Се Хэном, он твердо усвоил: с подобными людьми бесполезно вести разумные беседы. Простота и грубая сила — вот единственная истина.

Внезапное ощущение невесомости лишило Сяо Лосюя дара речи; его пальцы инстинктивно впились в руку Цинь Бучжоу, обвивавшую его талию, и он весь сжался в комочек, утыкаясь лицом в грудь мужчины.

Поборовшись еще пару мгновений, он позволил себе утонуть в этом тепле, которого, казалось, ждал так долго.

От автора:

Спасибо маленькому ангелу по имени Цяо Шэн за минутку! Я продолжу стараться!
(□Д27|Дворцовые нравы правителя и сановника (III))

Жажда, тоска, привязанность... Эти мягкие и хрупкие чувства были практически чужды Сяо Лосюю.

Он рос среди холодных ветров и острых мечей, и его единственным стремлением было удержать рушащуюся империю, а единственным человеком, на которого он мог положиться — он сам. Столь привычные и одновременно чуждые эмоции нахлынули без предупреждения, заставив в глазах юноши мелькнуть растерянность.

К счастью, Цинь Бучжоу не отличался особой чувствительностью.

— Генерал Цинь... — припав к его шее, прошептал Сяо Лосюй. — Опустите меня на землю.

<http://bllate.org/book/21627/2231393>